

Социальное государство и его исторические воплощения

© Ю.Д. Гранин

Институт философии РАН, Москва, 109240, Россия

Проанализированы современный теоретический дискурс о социальном государстве, дисциплинарные и междисциплинарные трактовки социального государства. Предложена трансдисциплинарная (социально-философская) интерпретация концепта «социальное государство», способная устранить барьеры непонимания между учеными. Рассмотрены мировоззренческие предпосылки формирования феномена социального государства в западноевропейской цивилизации XVII–XIX вв., основные модели современного социального государства в странах Европейского союза и США. Проведен анализ недостатков социальной политики Российского государства. Формулируются основные принципы доктрины государственной социальной политики Российской Федерации на ближайшие десятилетия, ее цели и способы реализации.

Ключевые слова: бедность, государство, доктрина, модель, социальное государство, социальная политика

12 декабря 2018 г. Россия скромно отметила 25-летие принятия Конституции Российской Федерации. Незадолго до этой даты в «Российской газете» была опубликована крайне интересная статья председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина «Буква и дух Конституции», которую наши записные пропагандисты предпочли не заметить. А между тем обсуждаемые в ней вопросы имеют принципиальное значение для настоящего и будущего страны. В частности, подчеркивая основополагающую роль Конституции Российской Федерации для сохранения общественного согласия и устойчивого развития страны, председатель Конституционного суда РФ обратил внимание, что некоторые ее положения, дабы быть эффективно использованы в правоприменительной практике, требуют конкретизации. Так, например, ст. 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако, заметил Зорькин, «закрепленные здесь (ключевые для конституционного понимания!) понятия “достойная жизнь” и “свободное развитие человека” еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления» [1].

К этому наблюдению следует добавить, что в Конституции не конкретизируется и содержание термина «социальное государство»,

не уточняется, какой тип и какая модель социального государства реализуется в современной России. А между тем, как будет показано далее, формирование такого социально-политического феномена, как «социальное государство», связано с возникновением понятия «социальная справедливость». Как замечательно сформулировал американский философ Д. Ролз, «справедливость — это первая добродетель социальных институтов, точно так же как истина — первая добродетель систем мысли». К сожалению, подчеркнул председатель Конституционного суда Российской Федерации, «наше общественное сознание не проявляет надлежащего интереса к этой теме».

Учитывая это, в настоящей статье я попытаюсь сформулировать трансдисциплинарное понимание концепта «социальное государство» и, реализуя принцип единства логического и исторического, предложить основные принципы формирования отечественной доктрины социального государства, ее цели и способы реализации. Начать целесообразно с интерпретаций термина и основных подходов к анализу феномена «социальное государство» в отечественной литературе.

В современном научном дискурсе существуют десятки экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок концепта «социальное государство» и как минимум три междисциплинарных подхода к анализу социального государства: атрибутивный, ценностно-нормативный и структурно-функциональный. Во многих работах они совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о социальном государстве, создавая барьеры «непонимания» между исследователями.

Устранить эти барьеры, по мнению автора, можно за счет выхода в трансдисциплинарную область исследований — сферу социально-конструктивистского философского подхода, интерпретирующего историю человечества не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», а как процесс, реализующийся в социально и культурно оформленной совместной (предметно-практической и духовной) жизнедеятельности сплоченных в группы и общества людей, единство и развитие которого обеспечивается «вплетенным» в него (индивидуальным и общественным) сознанием. Последнее, будучи представленным исторически изменяемым многообразием научных и вненаучных (мифологических, моральных, религиозных, философских) форм, осмысливает наличный «социальный мир» не только с позиций «сущего», но и с позиций «должного» состояния, формируя тем самым «горизонты» его развития.

В этом контексте социальное государство может быть интерпретировано как *«правовое демократическое государство, которое совместно с институтами гражданского общества с целью сглаживания социальных противоречий, устранения разрывов в уровне и качестве жизни и стабильного развития рыночной экономики, гарантирует каждому гражданину такие стандарты материальной и духовной жизни, которые позволяют ему реализовывать свои политические, экономические, социальные и личные конституционные права и свободы»*. Разумеется, это определение имеет идеально-типический характер. Но идеально-типическое конструирование понятий полезно для обработки и организации эмпирического социально-исторического материала с точки зрения фиксации некоего «образца» (эталона) современного государственного устройства, к которому пришли наиболее развитые страны «второго модерна» к началу XXI в.

Исторически это движение осуществлялось в направлении расширения спектра концептуализации прав и свобод человека и гражданина, от парадигмы «классовой борьбы» к парадигме «социальной солидарности», и было связано с цивилизационными особенностями развития государств Западной Европы в XVII–XIX вв. Иначе говоря, «социальное государство» появляется как продукт западноевропейской, а затем и евроатлантической цивилизации, важнейшую часть трансформации «культурного ядра» которой, начиная с XVII в., составили появившиеся в среде новых социальных слоев новые представления об обществе и государстве, о его социальном предназначении. Остановимся подробнее на этом моменте.

Опуская исторические детали, можно утверждать, что последовавшее за эпохой европейского Возрождения Новое время — это период, с одной стороны, внутренней трансформации западноевропейской цивилизации, а с другой — ее территориальной экспансии на другие континенты. Внутренние изменения Западной Европы выразились в переходе ее государств от феодальной организации к абсолютистской форме правления, а затем — к суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в черед европейскими социальными революциями (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового — капиталистического — способа производства с сопутствующим ему ростом городов, внутривосточной, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого, данный переход был ознаменован революциями в сфере научной мысли и промышленного производства, определившими вступление Европы в эпоху индустриализма.

Так, уже в XVII в. формируется *modernity* (современность) — наилучшая («современная») хозяйственная система и одновременно передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования. Характерными чертами этой модели были: 1) появление системы массовых (печатных) коммуникаций; 2) преобладание инновации над традицией; 3) развитие под определяющим влиянием достижений науки и техники, «пространством» распространения которых, в свою очередь, стала третья система массового светского образования как фактора формирования общего языка и общей (национальной) культуры для многоязычного и мультикультурного населения западноевропейских государств [2–4].

Разумеется, эволюция этой модели развития в каждой стране имела свои особенности. Но так или иначе во всех европейских странах трансформация «сословного государства» в национальное правовое государство, а затем в «социальное государство» была связана со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII–XIX вв. Появление после 1648 г. («Вестфальский мир») системы международного права, закрепившее употребление понятий «внутреннего» и «внешнего» политического суверенитета, постепенная замена «суверенитета государя» понятием «народного суверенитета», с одной стороны, и отделение государства от «гражданского общества» (т. е. функциональное обособление государственного аппарата) — с другой, по мнению Ю. Хабермаса, составило правовую основу появления в Европе национальных государств и сопутствующих им «наций». «Вне зависимости от того, — пишет он в разделе «Европейское национальное государство. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства», — была ли сама государственная власть уже приручена в государственно-правовом смысле и стала ли корона “подзаконной”, государство не может пользоваться правовой средой, не организуя сообщение в отличной от него сфере гражданского общества таким образом, чтобы частные лица пользовались субъективными свободами (распределенными сначала не поровну). С отделением частного права от публичного отдельный гражданин в роли “подданного” достигает, как выражался еще Кант, самой сути частной автономии» [5, с. 271].

Этому способствовало появление «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, которые быстро сформировали широкую читающую аудиторию, численность и социальный состав которой постоянно увеличивались по мере разрушения сословных перегородок и появления сословно-классового общества. Под давлением капиталистических (товарно-денежных) отношений из разлагающихся «сословий» формировалась новая социальная

структура, важнейшими элементами которой становились аграрный и промышленный пролетариат, буржуазия и «люди свободных профессий», из числа которых (разоряющихся дворян, ремесленников, студентов, преподавателей, врачей, юристов и т. д.) формировался социальный слой «интеллектуалов»: мыслителей и ученых, впоследствии названный «интеллигенцией» [6].

Важно иметь в виду, что в XVII–XVIII вв. эти новые социальные слои обеспечивали *рациональный характер организации и осуществления государственной власти*, единообразного и рационального регулирования общества, принципиально отличавший государства Западной Европы от современных им восточных империй. Это выразилось в появлении феномена *камерализма* (*Kammer* по-немецки «палата», но также «кладовая») — идеологии и практики производства дискурсов в трех основных областях: организации государственных финансов, системы хозяйствования (*Oeconomie*) и упорядочивании общества (*Polizei*). Наиболее известными продуктами камералистской идеологии были экономическая доктрина меркантилизма и теория административного устройства *gute Polizei* — правильно управляемого государства. Как демонстрируют современные исследования, «камерализм» (*Kameralwissenschaft*) представлял собой колоссальных масштабов риторический механизм, основным результатом которого было не точное экономическое или социальное знание и не инновационные практические советы производственного и административного характера, а создание и продвижение самого представления о государстве как едином рационально устроенном механизме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками. Абстрактная идея «государства» внедрялась в умы подданных и правителей, формировалось представление о чиновнике как служащем этому *государству* — не из вассального подчинения сюзерену и не ради корыстного злоупотребления должностью («кормления»), а с целью внести вклад в общественное благо» [7, с. 328–329]. Путь, который осмысливался как движение от сословного к политическому обществу («нации») в категориях и частной выгоды, и универсальной законности.

Специфика и горизонты этого осмысления определялись не только изменениями социальной структуры западноевропейских обществ, но и трансформацией мировоззрения, характерной чертой которого стали *антропоцентризм* и *механицизм*. Одновременно развитие философии и успехи естественных наук формируют убеждение о рациональном устройстве природы и общества и всесильности человеческого разума: «Всё действительное разумно, всё разумное действительно» — эта интуиция (позже концептуализированная Г.В.Ф. Гегелем) стимулировала

ла интеллектуалов к поиску рациональных моделей общественного устройства в течение всего XVIII в.

Этот «долгий XVIII век» (продлившийся до середины XIX столетия) представлял собой клубок социально-экономических противоречий. И если наводил на мысли о чем-либо, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели, о которых писали Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, А. Смит и Д. Рикардо. В работах последних социальное неравенство и сопутствующая ему повсеместная бедность объявлялись неустранимыми, так как будто бы постоянно провоцировались «неутолимой жаждой размножения» низших слоев, которая якобы будет только увеличиваться по мере повышения им заработной платы и вообще перераспределения общественного богатства в их пользу. Помимо экономических соображений, основанных на понимании «диалектики» труда и капитала в качестве необходимого следствия «естественных» для общества экономических законов рынка, эта тенденция игнорирования бедности и социального неравенства поддерживалась верой во всемогущество рационально устроенного государства.

А оно совместно с церковью, как показал М. Фуко, повсюду использует практику «изоляции» бедности. По всей Западной Европе создаются «госпитали» и «рабочие дома», в которые насильно помещают душевнобольных, бродяг, бездомных и нищих, квалифицируя их как «неразумных» и заставляя работать по строго разработанным планам. Подобная практика вполне рациональна: *так как «бедность» выводится за пределы разума и записывается по ведомству «неразумия», вполне разумно применять к ней меры изоляции, морального осуждения и дисциплинарного насилия.* И такая «социальная политика» реализуется более двух столетий: практика обязательного труда в условиях изоляции, имеющая цель снять социальное напряжение в периоды экономических кризисов, сохраняется вплоть до середины XIX в. Правда, она оказалась экономически крайне неэффективной: даже когда рабочие дома захотели превратить в мануфактуры, где доход делился пополам заведением и предпринимателем, они не дали ожидаемого эффекта ни в периоды экономических кризисов, ни во времена экономического подъема. «Поглощая безработных, они главным образом маскировали их нищету и позволяли избежать социальных и политических неудобств, причиняемых их волнениями; однако, распределяя их по принудительным мастерским, дома эти способствовали росту безработицы в прилегающих регионах или в соответствующих секторах экономики» [8, с. 85].

Промышленная революция принципиально ничего не изменила. А спровоцировала новый всплеск безработицы фабричного пролетариата, следствием чего стало движение, вошедшее в историю под названием «разрушителей станков» (названных луддитами по имени

легендарного Н. Луддта), которое было жестоко подавлено правительством Великобритании. Только великий Дж.Г. Байрон выступил 27 февраля 1812 г. в палате лордов против билля, предусматривавшего применение смертной казни в отношении рабочих, разрушавших станки. Но 5 марта 1812 г. билль получил силу закона. С того момента начались казни луддитов, которых для «устрашения», в графстве Ноттингем в частности, вешали на вековых дубах Шервудского леса, близ которого находилось родовое поместье Байронов. Тогда Байрон покинул Англию, а положение трудящихся еще несколько десятилетий оставалось без видимых изменений.

Не надеясь на государство, рабочие создавали «общества взаимопомощи» и профессиональные союзы, открытие и деятельность которых находились под бдительным контролем властей, опасавшихся, что такие структуры представляют угрозу для существующего общественного устройства. И в промышленных центрах Англии, как грибы после дождя, росли рабочие поселки (своего рода новые «центры изоляции»), жизнь в которых, как показал Ф. Энгельс, представляла собой разительный контраст с жизнью состоятельных классов. Поэтому рабочие волнения, нередко сопровождавшиеся убийствами фабрикантов и членов их семей, порожденные ужасными условиями труда и быта, низкими зарплатами, продолжались. На это государство отвечало репрессиями, но принципиально менять социальную политику не собиралось.

В значительной мере это было связано с унаследованным из прошлого представлением о том, что основная причина бедности, социального недовольства и социальных протестов связывалась с вредными привычками и ущербной моралью тех людей, которые, собственно, и составляли пласт «трудящихся». Но постепенно вместе с разрушением прежнего рационализма и механистической картины мира, развитием национальных систем образования возникает понимание к «разумно устроенной» общественной системе и венчающему ее государству. В центре критики оказывается гегелевское представление о государстве как «шествии Бога в мире», как «земнобожественном существе». И философская максима «Всё действительное разумно, всё разумное действительно» подвергается пересмотру почти одновременно и параллельно в рамках либеральной, анархистской, коммунистической и консервативной мысли середины XIX в. Но почему-то рассматривается многими отечественными исследователями именно как «консервативный ответ» на вызов Великой Французской революции и европейских революций 1848–1850 гг. [9].

Хотя появление термина «социальное государство» мы действительно находим в трудах консерватора Л. фон Штейна, дальнейшее

и наиболее плодотворное развитие этой идеи осуществлялось в лоне социалистической мысли и практики во второй половине XIX — первой трети XX в. Именно под их влиянием к 80-м годам XIX в. в Великобритании, Франции, Германии произошла переориентация социальной политики от абстрактной идеи социальной справедливости в сторону ее практической реализации. На волне политики государственного национализма О. фон Бисмарка в 1871 г. Германия впервые в истории вводит государственное социальное страхование от несчастных случаев на производстве, в 1880 г. она же начинает финансировать медицинскую помощь, в 1883 г. вводит пособие по болезни. В связи с этим «железного канцлера» упрекали в непоследовательности: с одной стороны, им был введен исключительный закон против социалистов, а с другой — приняты законы, созвучные социалистическим идеям. В ответ О. фон Бисмарк объяснял, что в стране лучше иметь немного больше социализма, чем много социалистов.

Постепенно опыт Германии был воспринят и в ряде других стран. Этому способствовал экономический кризис конца XIX в., поразивший Великобританию и США и вызвавший рост безработицы и забастовок. Как отмечал Т.Х. Маршалл, период 1865–1900 гг. можно назвать «периодом коллективизма» — временем, когда идеи социализма интерпретировались большинством как требования вмешательства государства для обеспечения благосостояния всех людей без исключения. Комментируя принятие социальных законов правительством Великобритании, Дж. Чемберлен заявлял: «Мне будут говорить завтра, что это социализм... конечно, это социализм. Закон об оказании помощи неимущим — социализм; закон об образовании — социализм; большая часть муниципальной работы — социализм; и каждый доброжелательный акт законодательства, посредством которого общество стремилось освободиться от обязанностей и обязательств перед бедными, является социализмом» [10, с. 126–127]. И, по сути, этой же точки зрения, несмотря на различие идеологических позиций, придерживались правительства многих европейских стран, где государственное социальное страхование граждан начинает активно применяться со второй половины 80-х гг. XIX в. и получает правовое закрепление в Конституции Веймарской республики 1919 г. и Конституции Чехословакии 1920 г.

А в советской России уже в ноябре 1917 г. издаются декреты о страховании от безработицы, о бесплатной медицинской помощи, о пособиях по случаю болезни, родов и смерти. Позже социальная политика СССР (во многом благодаря массовой официальной пропаганде) получила такой резонанс, что оказала серьезное влияние на правительства и социал-демократические партии Европы. Доступ-

ность социальной поддержки всем членам общества, государственное пенсионное обеспечение, бесплатное медицинское обслуживание, другие виды социальных трансфертов — начиная с середины 1920-х годов эти идеи и примеры оказывались все более востребованными массовым сознанием и все более популярными в среде политических элит. «В итоге 1930-е годы стали отправной точкой создания “шведской модели социализма”, основанной на идеях сосуществования принципов капитализма в сфере экономики и принципов социализма в сферах распределения и социального обеспечения» [11, с. 177]. Поэтому первый этап становления социального государства в Европе и США, датируемый с 70-х годов XIX в. до 30-х годов XX в., можно охарактеризовать как *социалистический*. А само государство этого периода — как *социально защищающее государство, которое в рамках своих обязательств обеспечивает приемлемый уровень жизни уязвимых слоев населения*.

В отечественной литературе нет общепризнанной периодизации истории социального государства, поскольку, как уже отмечалось, нет общепринятой трактовки этого социально-политического феномена и, соответственно, критериев его эволюции. В итоге одни авторы выделяют четыре этапа в его развитии [12], другие — пять [13], третьи — шесть [10], а четвертые — восемь этапов генезиса социального государства [14]. Последняя периодизация более предпочтительна, поскольку связывает практику построения социального государства с возникновением тех идей и концепций, на основе которых эта практика осуществлялась. Вместе с тем следует помнить об относительности любых периодизаций и типологий, да и любых оценок. Например, все авторы сходятся во мнении, что начиная с 1990-х годов и до сего дня по многим причинам одна из последних исторических форм социального государства — «государство всеобщего благосостояния» — переживает кризис. Но так происходит не во всех странах, потому что каждая страна в силу политических, социокультурных и иных исторических особенностей развития реализует разные модели социальной политики.

Как правило, в особый модельный тип социального государства выделяют: а) *скандинавскую* модель (реализуемую в Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии); б) *англосаксонскую* модель социального государства (Австралия, Великобритания, Ирландия, Канада и США); в) *континентальную (корпоративистскую)* модель (используемую в Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Люксембурге, а также Нидерландах, хотя последняя из названных стран адаптировала многие черты нордической модели); г) *южноевропейскую (иначе — средиземноморскую)* модель социального государства (Греция, Италия,

Испания, Португалия, Мальта, Кипр), присоединяя к ним *«группу стран с социалистическим прошлым»*. К последним относятся страны Балтии и государства Центральной и Восточной Европы, где социальное государство, полагают исследователи, «находится на стадии концептуального и институционального оформления» [15, с. 8–21]. Используя политические критерии, все эти модели можно охарактеризовать и как социал-демократические, консервативные и либеральные типы социального государства, которые в чистом виде существуют лишь в сознании теоретиков.

Бытует мнение, что Советский Союз был одним из первых социальных государств мира. Но это не так. По мнению автора, приведенному в начале статьи, СССР не был социальным государством, поскольку в Советском Союзе фактически не было разделения ветвей власти, не было классов, независимого гражданского общества и рыночной экономики. Трудящиеся были отчуждены от собственности. Но это не означало, что у недемократического однопартийного государства не было социальной политики. Наоборот. Она была очень значительной. *Но в СССР сложилась патерналистская модель социальной политики в условиях этатристического общественного устройства*, в том числе и устройства социальной сферы. Как отмечают исследователи, последняя характеризовалась *стратификацией иерархического типа*, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотнесенных с ними привилегиях. К сегодняшнему дню это имеет прямое отношение.

Современная Россия унаследовала и сохранила многие характеристики этатристического общественного устройства. В области пенсионного страхования продолжает сохраняться стратификация иерархического типа: все население Российской Федерации поделено на два лагеря согласно пенсионным законам. К первому принадлежат представители слабо защищенных социальных слоев (инвалиды, дети-сироты, ветераны Великой Отечественной войны, блокадники и т. д.), а также госслужащие (военные, судьи, прокуроры, сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, гражданские чиновники и др.). Для них предусматривается государственное пенсионное обеспечение, т. е. регулярные выплаты из госбюджета (для льготников — копеечное, а для госслужащих, понятно, совсем другое). Все остальные — обычные граждане — получают пенсии за счет страховых выплат работодателей в Пенсионный фонд Российской Федерации. Иными словами, *в России действуют две параллельные пенсионные системы*. Лица, находящиеся на госслужбе Российской Федерации, представители «служилого сословия», получают пенсии из бюджета, а не из Пенсионного фонда Российской Федера-

ции. На них не распространяются новая «пенсионная реформа», повышение пенсионного возраста, который им повысили еще 2017 г.

Точно так же в России действует многослойная (корпоративная) система здравоохранения. Обеспечение медуслугами госслужащих, например, у нас регулируется отдельным законом, по которому они вправе пользоваться альтернативной системой здравоохранения — ведомственными поликлиниками и больницами. Кроме того, в 2014 г. были внесены поправки в ст. 42 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 314 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Согласно поправкам, финансирование медобслуживания госслужащих производится из двух источников — из Федерального фонда обязательного медицинского страхования и дополнительно из госбюджета. А обычные граждане с 2015 г. могут рассчитывать лишь на одноканальное финансирование — из Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Фактически закон гарантирует чиновникам особые условия медобслуживания и особые условия отдыха, которые ранее полагались лишь работникам вредных производств и жителям закрытых территориальных образований. И этот перечень социального неравенства (в сфере образования, обеспечения жильем и т. д.) можно продолжить. Если бы все имеющиеся у высших госслужащих льготы «монетизировать» (как, видимо сгоряча, предлагал в 2012 г. Д.А. Медведев), то, по оценкам экспертов, их официальные зарплаты могли бы взлететь до 14–15 млн рублей в месяц, что, конечно, вызвало бы массовое возмущение граждан.

А между тем по уровню бедности (т. е. по размерам пенсий и зарплат ниже и чуть выше прожиточного минимума — с 2019 г. это 11 280 рублей) Россия опережает большинство европейских и многие азиатские страны. Глава Счетной палаты Российской Федерации А.Л. Кудрин заявил, что текущий уровень бедности населения при существующем уровне валового внутреннего продукта (ВВП) является «позором». А в майском указе 2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин поставил задачу к 2024 г. сократить бедность в 2 раза, а продолжительность жизни увеличить до 78 лет.

Эти намерения были бы осуществимы, если бы оказалась возможной реализация самой амбициозной из 10 заявленных в указе задач: «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 %». Но при существующей внешней политике, благодаря которой Россия еще долго будет оставаться под санкциями, а значит продолжать реализовывать «бюджетное правило» (отправлять планируемый почти 2-трилли-

онный профицит бюджета в фонд национального благосостояния, т. е. покупать ценные бумаги других стран), рассчитывать на это не приходится. Хотя было бы логично в сложившейся ситуации увеличить инвестиции в социальный капитал, чтобы стимулировать экономический рост. Ведь с таким профицитом можно удвоить расходы на медицину и образование или поднять пенсии почти в 1,5 раза! Но только не у нас.

Разумеется, откровенную несправедливость нашей социальной политики можно отнести на счет «сбоев» в работе правительства или на издержки его будто бы неолиберального курса. Думаю, это ошибочное мнение. Либеральное государство западного образца действительно оказывает гражданам лишь минимальные социальные услуги, защищает лишь самые основные социальные права, предоставляя возможность все остальное «добирать за счет рынка». Но и налоги оно собирает по минимуму, и бюрократический аппарат имеет незначительный. У нас же наоборот. По данным Федеральной службы государственной статистики, с 2000 г. количество чиновников (госслужащих и «муниципалов») возросло примерно на 1 млн человек и на 1 января 2018 г. составило 2173,9 тыс. Поэтому *нужна системная модернизация* России, исключая имитацию и формализм, но включающая осуществление изменений во все сферы жизни общества.

Многие считают это невозможным в стране, экономика которой представляет собой «капитализм для своих», а социальная политика ориентирована на поддержку «своих бюрократов». Последние больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны — ослабления «властной вертикали», скрепляющей асимметричную Российскую Федерацию. Она действительно до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств. Поэтому в обозримом будущем не стоит ждать изменения курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы этот авторитаризм был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны и ее социальное развитие. А для этого, в частности, *нужна доктрина (стратегия) формирования современного социального государства, способная перевести страну на путь рефлексивного саморазвития.*

Имея в виду формирующуюся в XXI в. тенденцию замены «государства всеобщего благосостояния» обществом «всеобщего благосостояния» (предусматривающую значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, реализующих социальные услуги), это должна быть *доктрина формирования государства социал-демократического типа*, ориентированная на ряд преобразований в экономике, праве, социальной сфере, граждан-

ском обществе, итоги которых способны трансформировать сферу человеческой экзистенции в направлении к обретению смысла существования, самоощущению подлинности бытия.

В области экономики модернизация означает *переход от «капитализма для своих» к «социально ориентированному рыночному хозяйству»*. В социальной сфере следует *сосредоточить усилия на изменении конфигурации социального и социокультурного пространства Российской Федерации, сокращении социальных и культурных (образовательных) дистанций*. Средства для этого могут быть разными. Самые первоочередные — справедливое распределение национального богатства, повышение качества массового среднего и высшего образования, реиндустриализация экономики и достойная зарплата наемных работников, развитие постиндустриального сектора, способного создавать высокоэффективные рабочие места, способствующие массовой мобильности в более высокие социальные слои, создание институциональных условий для развития предпринимательства.

Современное социальное государство не может быть патерналистским, плодя тунеядцев и иждивенцев, блокируя экономическую и другую творческую активность людей. *Необходимы совместные усилия государства и гражданского общества*. Последнее также требует модернизации в виде перехода на новый уровень самоорганизации и траекторию саморазвития, способную реализовать интенцию к гуманизму социальной системы.

В конечном счете основной целью построения социального государства является гарантированное обеспечение его гражданам таких условий развития и качества жизни, в которых люди чувствовали бы себя счастливыми. По индексу счастья ООН (есть и такой) Россия находится примерно в четвертом десятке индустриально развитых стран. Поэтому внимание к социальному самочувствию населения, его удовлетворенности жизнью, ощущению подлинности и аутентичности существования является необходимым атрибутом государства, выбравшего гуманистический вектор развития.

Указанные направления могут быть ориентирами для *формирования национальной модели Российского социального государства*, учитывающими экономические, политические и социокультурные особенности развития народов и регионов России.

Характерной чертой этой модели должна быть универсальность: получение социальных благ должно рассматриваться как неотъемлемое право каждого индивидуума вне зависимости от его происхождения, возраста, гендерной принадлежности, профессии или трудового статуса. *А целевыми установками* должны стать *борьба с бедностью, высокая занятость, выравнивание доходов населения* (разрыв в доходах бедных и богатых слоев населения растет),

развитие систем социального страхования и социальной защиты, содействие развитию институтов гражданского общества.

Средствами достижения этих целей могут быть введение дифференцированного, в том числе прогрессивного, налогообложения для сокращения «социальных дистанций» — снижение индекса Джини до уровня скандинавских стран: 25–27 %. И обширный комплекс мер, направленных на улучшение качества «человеческого капитала» за счет государственных вложений в образование и переподготовку кадров, повышение профессиональной и географической мобильности рабочей силы, поощрение спроса на нее со стороны работодателей (в том числе при помощи субсидий).

В перспективе Россия как социальное государство — это государство социальной справедливости, солидарности и реального социального гуманизма. Этот гуманизм включает создание условий и механизмов обеспечения достойной жизни и социальной защиты гражданам, минимизацию социальных рисков, движение политической системы в направлении к демократии, гуманизацию образования, отношения к окружающей среде, сохранение культурного наследия, создание условий для самореализации творческого потенциала личности. Здоровье и продолжительность жизни, семья, безопасность, социальное самочувствие, качество жизни, социальный капитал являются индикаторами современного социального государства, которые могут быть исследованы и использованы как ориентиры его развития.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зорькин В. Буква и дух Конституции. *Российская газета*, вып. № 7689 (226). URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranito-technymi-izmeneniami.html> (дата обращения 09.10.2018).
- [2] Гранин Ю.Д. *Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее*. Санкт-Петербург, Проектные решения, 2014, 240 с.
- [3] Гранин Ю.Д. Роль образования в формировании российской нации. *Высшее образование в России*, 2006, № 10, с. 150–156.
- [4] Гранин Ю.Д. Национальное государство и самоопределение наций. *Свободная мысль*, 2003, № 9, с. 82–94.
- [5] Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. Стаф И.К., пер. с франц. Санкт-Петербург, Университетская книга, 1997, 576 с.
- [6] Гранин Ю.Д. Интеллигенция и национализм. *Свободная мысль*, 2009, № 8, с. 77–90.
- [7] Глебов С., Могильнер М., Семенов А. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть I. *Ab Imperio*, 2015, № 1, с. 328–329.
- [8] *Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты*. Санкт-Петербург, Изд-во Политехнического университета, 2017, 272 с.
- [9] Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна. *Философия и общество*, 2008, № 3, с. 69–79.
- [10] Сидорина Т.Ю. *Два века социальной политики*. Москва, РГГУ, 2005, 456 с.

- [11] Мысливченко А.Г. Политическая философия европейского социал-реформизма. *Философия политического действия. Из истории левой политической мысли XX века. Сб. статей. Сер. Политическая философия.* Москва, Идея-Пресс, 2010, с. 169–192.
- [12] Милецкий В.П. Этапы становления и развития теории социального государства. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1999, № 7, с. 23–32.
- [13] Калашников С.В. *Функциональная теория социального государства.* Москва, Экономика, 2003, 182 с.
- [14] Кочеткова Л.Н. *Социальное государство. Опыт философского исследования.* Москва, Либерком, 2016, 160 с.
- [15] *Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее.* Квашин Ю.Д., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2016, 189 с.

Статья поступила в редакцию 17.05.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Социальное государство и его исторические воплощения. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 4.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-4-613>

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

Social state and its historical embodiments

© Yu.D. Granin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, 109240, Russia

The purpose of the paper was to analyze a modern theoretical discourse on the social state, disciplinary and interdisciplinary interpretations of the social state. The study introduces a transdisciplinary, i.e. socio-philosophical, interpretation of the concept “social state”, which can eliminate barriers of misunderstanding between scientists. We studied the ideological prerequisites for the formation of the phenomenon of the social state in the Western European civilization of the XVII – XIX centuries, as well as the main models of the modern social state in the countries of the European Union and the USA. Furthermore, we analyzed the shortcomings of the social policy of the Russian state, and developed the basic principles of the doctrine of the state social policy of the Russian Federation for the coming decades, its goals and methods of implementation.

Keywords: poverty, state, doctrine, model, social state, social policy

REFERENCES

- [1] Zorkin V. *Rossiyskaya gazeta (The Russian Gazette)*, no. 7689 (226). Available at: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (accessed October 09, 2018).
- [2] Granin Yu.D. *Natsionalnoe gosudarstvo. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee* [The national state. Past. Present. Future]. St. Petersburg, Proektnye resheniya Publ., 2014, 240 p.
- [3] Granin Yu.D. *Vyshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*, 2006, no. 10, pp. 150–156.
- [4] Granin Yu.D. *Svobodnaya mysl (The free thought)*, 2003, no. 9, pp. 82–94.
- [5] Foucault M. *Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique*. Gallimard, 1976, 688 p. [In Russ.: Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu*. Transl. from French by Staf I.K. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997, 576 p.].
- [6] Granin Yu.D. *Svobodnaya mysl (The free thought)*, 2009, no. 8, pp. 77–90.
- [7] Glebov S., Mogilner M., Semenov A. *Ab Imperio*, 2015, no. 1, pp. 328–329.
- [8] *Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Philosophy of communication. Theoretical and methodological aspects]. St. Petersburg, SPbPU Publ., 2017, 272 p.
- [9] Kochetkova L.N. *Filosofiya i obshchestvo — Philosophy and Society*, 2008, no. 3, pp. 69–79.
- [10] Sidorina T.Yu. *Dva veka sotsialnoy politiki* [Two centuries of social policy]. Moscow, RSUH Publ., 2005, 456 p.
- [11] Myslivchenko A.G. Politicheskaya filosofiya evropeyskogo sotsial-reformizma [Political philosophy of European social reformism]. *Filosofiya politicheskogo deystviya. Iz istorii levoy politicheskoy mysli XX veka. Sb. statey. Ser. Politicheskaya filosofiya* [Philosophy of political action. From the history of the left-wing political thought of the twentieth century. Coll. papers. Ser. Political philosophy]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2010, pp. 169–192.
- [12] Miletskiy V.P. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii (Bulletin of St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry)*, 1999, no. 7, pp. 23–32.

- [13] Kalashnikov S.V. *Funktsionalnaya teoriya sotsialnogo gosudarstva* [Functional theory of the social state]. Moscow, Ekonomika Publ., 2003, 182 p.
- [14] Kochetkova L.N. *Sotsialnoe gosudarstvo. Opyt filosofskogo issledovaniya* [The social state. Philosophical experience]. Moscow, Liberkom Publ., 2016, 160 p.
- [15] Kvashnin Yu.D., ed. *Sotsialnoe gosudarstvo v stranakh ES: proshloe i nastoyashchee* [The social state in the EU: past and present]. Moscow, IMEMO RAS Publ., 2016, 189 p.

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. e-mail: maily-granin@mail.ru